

Боруленков Ю.П. Стремление к истине – высший закон правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4 (5). – С. 40-49.

Дискуссионная трибуна

Ю.П. Боруленков

СТРЕМЛЕНИЕ К ИСТИНЕ – ВЫСШИЙ ЗАКОН ПРАВОСУДИЯ

В центре внимания автора находится вопрос об истине в уголовном судопроизводстве и проблемы его практического преломления в практике правосудия. Подчёркивается значение этого вопроса для идеологии уголовного процесса и его влияния на практику деятельности правоохранительных органов. Отмечается, что он связан с проблемой реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве. Рассматривается вопрос о концептуальных направлениях реформирования предварительного расследования.

Ключевые слова: юридическое познание; истина; состязательность; форма; содержание; Следственный комитет РФ; предварительное расследование.

Рассмотрение вопроса о месте категории истины и её характере в процессуальной юридической деятельности имеет принципиальное значение, поскольку именно она опосредует и определяет отношение познающего субъекта к объекту и предмету познания, тем обстоятельствам, на основании которых компетентный орган решает юридическое дело. Именно она детерминирует не только методологические особенности юридического познания [10, с. 52-56], но и определяет его вектор, цели, задачи и правоприменение в целом.

По нашему мнению, анализируя категорию «истина» в юридическом познании, её следует рассмотреть как: а) результат; б) цель; в) принцип. Отдельного внимания требует вопрос её соотношения с состязательной формой судопроизводства.

Прежде всего, возникает вопрос, какая истина устанавливается в результате юридического познания? Сторонники установления объективной истины, критикуя буржуазный процесс, утверждали, что этот принцип имманентен социалистическому судопроизводству.

Современная юридическая наука продолжает приписывать истине в судопроизводстве естественно научные черты. Между тем, научное познание отличается от юридического, которое по сути является гуманитарным [8, с. 59-61]. Специфика социально-гуманитарного познания обуславливает и

особенности процесса постижения истины в юридической познавательной деятельности.

При решении вопроса о применении философских категорий «абсолютная истина», «относительная истина» к результатам юридического познания мнения учёных разделились.

Известные русские процессуалисты истину определяли по-разному (как объективную, материальную, юридическую, нравственную, практическую), но никто не отрицал её значения и необходимости установления в судопроизводстве. Принципиально то, что истину, устанавливаемую в уголовном судопроизводстве, преимущественно называли объективной или материальной истиной и противопоставляли её истине, добываемой в гражданском процессе. Последнюю именовали относительной, формальной истиной, поскольку она основывается только на доказательствах, приводимых сторонами [38, с. 171-174; 32, с. 344-345].

В процессуальной науке господствующей была основанная на дедуктивной логике модель доказывания, согласно которой достоверное знание достигается путём опровержения всех возможных вариантов за исключением одного, который становится достоверным. Отсюда и требование выдвижения по делу всех возможных версий [35; 30 с. 85].

Этой же позиции придерживается и Верховный Суд РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» № 1 от 29.04.1996 г. (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 6.02.2007) указывается: «В соответствии со ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. В связи с этим судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу *исследованы все возникшие версии* (выделено мной – Ю.Б.), а имеющиеся противоречия

выяснены и оценены»¹.

Как верно отмечено Ю.К. Орловым, такой путь познания – путём перебора всех возможных вариантов – возможен лишь в ситуациях, когда число этих вариантов конечно [24, с. 92-93]. В юридической же практике количество версий пропорционально фантазии заинтересованного субъекта.

Концепция процесса достижения достоверного знания с позиций теории вероятностей разработаны А.А. Эйсманом. Его логическая схема основана на математической теореме умножения вероятностей, согласно которой вероятность совпадения двух или более случайных событий равна произведению их вероятностей. С накоплением доказательств какого-либо факта вероятность их случайного совпадения резко падает, а правдоподобность вывода возрастает. Значение признака тем выше, чем реже он встречается, т.е. чем менее вероятно его появление [41, с. 164-179].

Особенностью данной модели является то, что при любых допустимых вероятностных значениях фактов (от нуля до единицы) надёжность вывода никогда не может достигнуть единицы. Накопление доказательств идёт до тех пор, пока случайное совпадение собранной совокупности становится практически нереальным (достижение «практической достоверности»). Теоретическая же возможность такого совпадения остаётся всегда.

Вероятностная логика доказывания получила, но некоторые видные учёные её не восприняли, отрицая возможность постепенного перехода вероятности в достоверность, проводя между ними резкую грань [36, с. 328-329; 28, с. 16-17].

Наряду с категорией истины в теории доказательств и в процессуальном законе существует понятие *достоверности*. Достоверным является обоснованное, доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений [31, с. 107; 40, с. 92; 37, с. 287]. По Случевскому, уголовно-судебная достоверность есть «не что иное, как такая степень вероятности, вытекающая из представленных на суде доказательств, которая способна

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 5. – С. 13-20.

привести судью к уверенности в том, что прошлое событие, составляющее предмет исследуемого дела, имело место в действительности» [33, с. 139].

Интересам так называемой практической достоверности соответствуют и «стандарты доказанности» в концепции С.А. Пашина. По его мнению, «для принятия решений в уголовном судопроизводстве наличие соответствующих обстоятельств должно быть установлено с разной степенью вероятности в зависимости от характера решения. Наивысшей надежностью должен отличаться вывод приговора о совершении преступления определённым лицом; при привлечении в качестве обвиняемого стандарт доказанности этого обстоятельства слабее...» [27, с. 313]. Он отмечает и разницу в стандартах доказанности в суде присяжных и в обычном суде. Здесь принципиально то, что и приговор суда, хотя и отличается наивысшим «стандартом доказанности», всё же мыслится в пределах вероятности.

Следует отметить, что об истине в юридическом процессе нельзя говорить безотносительно к конкретному процессуальному законодательству, которое, в числе других факторов, с одной стороны, существенно влияет на возможности познающего субъекта, а с другой – ставит конкретные цели и определяет пределы доказывания.

С развитием цивилизации совершенствуется правовая процедура, которая с одной стороны – обеспечивает, по мнению законодателя, защиту определённых социальных ценностей, а с другой – ставит правовые барьеры. Но в каждый исторический момент средства и орудия, законно употребляемые в рамках судопроизводства, являются правовыми².

В ходе преобразования отечественного судопроизводства была сформулирована концепция истины, в основу которой положен отказ от её установления при производстве по уголовным делам. По мнению авторов, в сфере уголовного процесса можно и нужно говорить лишь об истинности способа осуществления уголовно-процессуальной деятельности, но не её

² *Пашин С.А.* Доказательства в уголовном процессе. Проблемная лекция (20.04.1999, Москва) // URL: http://www.terralegis.org/terra/lek/lek_4.html .

результата. Объективная (материальная) истина есть юридическая фикция, при этом под юридической истиной понимается соответствие судебного процесса требованиям процессуального права [21, с. 36, 55; 23, с. 37; 26, с. 312; 14, с. 37].

Таким образом, только вероятностный подход даёт достаточно удовлетворительную модель получения знания в юридическом познании. Сколько бы сторонники установления объективной истины ни утверждали, что результатом судопроизводства становится безусловное установление объективной истины, мы регулярно на практике убеждаемся в обратном.

«О полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования, – писал В.К. Случевский, – и в делах судебных судья вынужден, по несовершенству средств человеческого правосудия, удовлетворяться по необходимости более или менее высокой степенью вероятности» [34, с. 379]. Бывший председатель Совета судей РФ М.М. Бобров отмечает, что «в процессе судебного исследования истина не устанавливается»³.

Необходимо учитывать также, что юридическая истина присутствует в юридическом познании во всех случаях, когда его нормативная модель включает в себя такие элементы, как презумпции, соглашения сторон, правила запрета поворота к худшему, вынесения оправдательных приговоров и т.п. Американская модель уголовного судопроизводства (тяготеющая к исковой) предполагает возможность утверждения судом сделки на основе компромисса интересов сторон обвинения и защиты даже в ущерб истине. Судебная истина формальна и по той причине, что формальны требования к правильности доказательств [6, с. 55-57; 7. с. 92-94].

В литературе достижение объективной истины в юридической практике с одной стороны, рассматривается как цель, с другой же – как принцип юридического процесса. Одни учёные возражают против того,

³ Проблемы реформы уголовно-процессуального законодательства в проекте УПК РФ / Материалы научно-практической конференции. – М., 1995. – С. 48.

чтобы признавать истину одновременно и целью, и принципом. Категория «цель» в уголовном судопроизводстве отвечает на вопрос – на что направлена деятельность органов следствия и суда; категория «принцип» – как, каким образом она осуществляется. Делается вывод, что истина составляет цель доказывания и компонент общих целей всего уголовного процесса. Принципом же является нормативное требование полноты, всесторонности и объективности расследования и судебного рассмотрения уголовных дел как необходимого пути установления истины [12, с. 62-63].

Нам представляется правильной вторая точка зрения. Истина-цель относится к истине-принципу, как результат относится к пути, ведущему к нему, как итог относится к разьединённым звеньям, которые в нём соединяются [22, с. 11]. Во-первых, невозможно не признать, что цель познания во многом предопределяет путь (метод) её достижения. Во-вторых, по нашему мнению, истина как принцип включает не только полноту, всесторонность и объективность, но организацию всего уголовного процесса, как и содержание конкретной модели теории доказательств.

Особого внимания требует решения проблема истины как цели юридического познания. «С позиции здравого смысла, – отмечается в процессуальной литературе, – проблема истины в правосудии, казалось бы, не даёт почвы для споров. Если понимать истину в этой сфере как соответствие выводов следствия и суда о фактических обстоятельствах дела тому, что произошло в действительности, трудно представить, как можно отрицать необходимость постановки такой цели» [13, с. 143].

Процессуальное познание нельзя рассматривать в целом как сквозной процесс накопления знаний некоего единого виртуального субъекта, осуществляющего познание в рамках юридического процесса от начальной и до конечной стадий. Каждый из субъектов осуществляет познание в рамках своих специфических функций и полномочий [5, с. 15]. Причём с гносеологической точки зрения сторона защиты находится ближе к истине, однако её постижение другими субъектами не всегда соответствует

интересам данных участников процесса. С этой точки зрения можно говорить об объективно более выгодных условиях доказывания (убеждения, аргументирования) стороной защиты.

Сегодня перед процессуальной наукой стоит сложная задача выработки цели познания по юридическим делам и её научного обоснования. Такая проблема должна решаться в рамках специальных научных исследований, причём с учётом не только традиционных для отечественной науки подходов.

В содержании истины при познании того или иного объекта можно выделить следующие аспекты: истинность цели, истинность образа объекта, истинность пути [19, с. 132; 29, с. 40]. Все три аспекта установления истины одновременно выступают как взаимообосновывающие этапы развития истины, поскольку истинность цели (аксиологический) обосновывает адекватность образа (гносеологический), истинность образа – правильность действия (практический) и образуют органическое единство.

Полагаем, что в основе разработки теории истины должна лежать идея паритетного соотношения содержательных и формальных начал при достижении цели судопроизводства. В общем виде истина, устанавливаемая в ходе юридического познания, должна содержать в себе сбалансированные черты как объективной истины, так и истины формальной. Утверждения о несовместимости этих двух понятий и невозможности найти между ними точки соприкосновения следует признать не соответствующими современным научным представлениям о многообразии истин и учений о них [24, с. 8-13; 39, с. 10-35].

В этой связи особое значение приобретает *правовая позиция Конституционного Суда РФ*, сформулированная в Постановлении от 8 декабря 2003 г.: «...правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости... В рамках уголовного судопроизводства это *предполагает* (выделено мною – Ю.Б.), по меньшей мере, установление реальных обстоятельств

происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правовую оценку, выявление конкретного вреда, причинённого обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния»⁴.

Как уже указывалось, об истине следует говорить применительно к конкретной форме юридического процесса. Требование достижения истины по каждому делу некоторые учёные относят к инквизиционному процессу [20, с. 80]. Прежде всего, потому, что между источником информации и субъектом познания практически отсутствуют посредники, и, конечно, характерен минимальный формализм процедуры.

И в этом контексте нас особо интересует состязательная процедура, поскольку является конституционной формой судопроизводства России.

Практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) унифицирует законодательство европейских государств по состязательной модели, это объективно вытекает из потребности обеспечения соблюдения прав личности, защиты гражданской и политической свободы. В основе современного юридического процесса лежит стремление разрешить определённый спор, который возник между сторонами. При этом такое разрешение предполагает защиту прав и свобод, а также учёт интересов лиц, участвующих в судопроизводстве.

Социально значимой основой ограничений на пути установления истины является сужение репрессивных возможностей государства посредством предоставления определённых процессуальных преимуществ стороне защиты. Важно подчеркнуть, что сосуществование юридической истины и истины материальной имеет место в той мере, в какой публичное

⁴ Постановление «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // Российская газета. 2003. 23 декабря. Конституционный Суд РФ применительно к правовому положению потерпевшего признал, что он заинтересован в установлении истины по делу. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1999 г.: от 24 апреля 2003 г.

начало сочетается с началом диспозитивности.

В последние годы с упрочением состязательного процесса законодателем выведено за рамки процессуального законодательства понятие объективного рассмотрения обстоятельств дела, напрямую связанное с проблематикой познавательного процесса, теории доказательств и истинности (достоверности) получаемых знаний. Об этом свидетельствуют: а) существенное сужение полномочий суда в исследовании доказательств сторон; б) лишение его права на возвращение уголовного дела прокурору на дополнительное расследование; в) обязанность суда безальтернативно воспринимать отказ государственного обвинителя от обвинения либо его решение об изменении обвинения в сторону смягчения; г) исключение из УПК РФ общего условия, обязательного для достижения объективной истины, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела; д) введение суда присяжных и «особый характер» выносимых им вердиктов; е) особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (Глава 40 УПК РФ). Законодатель тем самым объективно закрепил приоритетность «защитительной» функции правосудия.

Корни этой доктрины состязательности восходят к англо-американской модели уголовного процесса, тяготеющей к концепции, так называемой, чистой состязательности, которая во многом зиждется на таком критерии оценки доказательств, как *«отсутствие разумного сомнения»*. Юридическая истина – есть утверждение, правдоподобие, вероятность которого не вызывает разумных сомнений у нормальных людей. Разумные люди, использующие свои чувства и рациональные способности, могут устанавливать истины, относительно которых у них не будет причин сомневаться. «Истина на суде есть убеждение судьи, а убеждение судьи основывается, во многих случаях, на гипотезе» [11, с. 24]. Это убеждение основывается не на познанной ими «объективной истине», а на отсутствии у них «разумных сомнений» полагать обратное. Сказанное означает, что любой

здравомыслящий человек пришёл бы в данном случае к такому же решению [1, с. 35].

Наиболее ярко идея разумного сомнения реализуется в суде присяжных, где «среднестатистический» человек практически не должен сомневаться в том, что представленные ему доказательства являются достаточными для вывода о виновности или невиновности подсудимого.

Принцип разумного сомнения освобождает от требования установления объективной истины, заменив её критерием разумной доказанности. На выходе такой процесс доказывания даёт знания, предполагающие допущение высокой степени достоверности, а юридическая процедура приравнивает его к истине.

Н.Н. Розин писал: «Состязательному процессу не может быть свойственно неограниченное стремление к материальной истине... Принцип, которым руководствуется суд в состязательном процессе, является принципом не материальной, а юридической истины, который более правильно называть принципом доказанности обвинения» [32, с. 303].

Знание публичного субъекта юридического познания синтезируется в определённом процессе, выстроенном на логическом базисе, отвечающем требованиям рационального алгоритма и имеющем процессуальную форму. Сама форма является продуктом логического анализа законодателя и продуктом осмысления науки процессуального права.

А.Г. Коваленко справедливо указывает: «Можно априори утверждать, что конструкция и состязательного, и следственного процесса в принципе может быть доведена до уровня, делающего вероятность получения ошибки выносимого судебного решения если не сколь угодно малой, то достаточно малой. Также можно утверждать, что сколь бы мы ни усовершенствовали эти конструкции, вероятность получения подобной ошибки остаётся» [16, с. 3-4].

Таким образом, можно сказать, что объективная истина как цель юридического познания в рамках юрисдикционного процесса фактически недостижима. Компетентным органом устанавливается истина формальная,

юридическая. По нашему мнению, соотношение этих истин представляет собой форму предела, стремления одной величины к другой, стремление истины юридической к истине объективной с той особенностью, что потенциально (теоретически) возможно почти полное совпадение их. Целью юридического познания следует считать достижение объективной истины по юридическому делу, с той оговоркой, что фактически может быть достигнута лишь истина формальная, которая имеет свойство стремиться к истине объективной. Цель как таковая не означает обязательности своего достижения. При таком построении результат стремления может быть сколь угодно далёк от цели, что вполне вписывается в рамки формальной истины как результата правоприменительного процесса. В концепции истины нужно сочетать осторожный оптимизм относительно возможности постижения истины с нравственной убеждёностью о необходимости стремиться к правде [2].

В этом плане конструктивной является мысль А.А. Павлушиной о необходимости введения в теорию юридического процесса научных понятий *максимально достижимой* и *достаточной* истины, которые в процессуальном праве сливаются в единое понятие – *судебной истины* [25, с. 100].

Постижение объективной истины по юридическому делу как цели ЮП с необходимостью влечёт законодательное закрепление установления истины как принципа процесса, который в свою очередь, чтобы не быть пустой декларацией, требует реализации путём законодательных, организационных и иных мер. И.Я. Фойницкий призывает: «Истина – высший закон правосудия, стремлением к ней должны быть проникнуты все меры его» [38, с. 510]. Значит, на средствах юридического познания лежит отпечаток цели, которую ставит перед собой субъект. Общая цель юридического познания может быть раскрыта в результате последовательного постановки нескольких задач, которые представляют собой поэтапные шаги в достижении общей цели, либо употребляются в смысле конкретизации цели.

Общество подошло к такому уровню правосознания, когда на законодательном уровне необходимо конкретизировать, во-первых, цель юридического познания в уголовном судопроизводстве, а во-вторых, цель самого правосудия. Это необходимо потому, что в настоящее время де-факто следственная и судебная практики суть разные практики. Возможности суда по выявлению и обнаружению доказательств значительно скромнее, чем органов дознания и следствия. Следовательно, на установление объективной истины должны быть нацелены в первую очередь органы, занимающиеся ОРД и производящие расследование по уголовным делам. Ибо их задача добыть необходимые доказательства, причём в количестве и качестве, которые позволили бы получить соответствующие действительным обстоятельствам знания об имевшем место общественно-опасном деянии [6, с. 18-19].

С точки зрения современных концепций состязательного судопроизводства интересным является утверждение В.А. Лазаревой о том, что «установление истины в принципе невозможно рассматривать как обязанность какого-либо участника уголовного судопроизводства. Истина – тот результат, который достигается в итоге состязательного судебного разбирательства с равными возможностями по отстаиванию своих позиций всеми участниками при абсолютной беспристрастности суда» [18, с. 120]. Здесь, по нашему мнению, во главу следует ставить добросовестное исполнение субъектами своих процессуальных функций в соответствии с предоставленными полномочиями. Именно усердие субъектов обеспечивает достижение цели юридического познания.

Постижение процессуальной истины предполагает последовательное решение ряда задач различными процессуальными средствами и способами. Поэтому представляется возможным выделить две основные гносеологические задачи в юридическом познании – объективизацию и оптимизацию процесса познания.

Объективизация – деятельность участников юридического познания,

направленная на установление и закрепление сведений с помощью средств, на которые существенно не влияют субъективные факторы [15, с. 124].

Оптимизация юридического познания на современном этапе развития общества и государства предполагает, по нашему мнению, дальнейшее сбалансированное развитие досудебной и судебной форм процесса, разработки и внедрения в практику новых теорий доказательств и технологий доказывания. Для оптимизации крайне важным является наличие законодательно регламентированной системы критериев допустимости использования научно-технических возможностей и результатов ОРД. До настоящего времени остаётся достаточно противоречивой концепция процессуального доказательства, закреплённая в УПК РФ [9, с. 17-19].

На протяжении последних 25 лет вопрос о необходимости повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, в том числе следственных, неоднократно становился предметом обсуждения на самых разных уровнях. Созданием Следственного комитета РФ реализовалась идея разделения функций следствия и прокурорского надзора. По сути, на законодательном уровне произошло переосмысление форм и методов реализации имеющейся у прокурора функции надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, созданы определённые условия для большей самостоятельности должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Идёт постепенный отказ от презумпции недобросовестности следователя как принципа уголовного процесса. На очереди исправление методологической ошибки [5, с. 58], осознание миссии следователя и его исключение из состава субъектов стороны обвинения⁵. В тоже время звучат огульные утверждения некоторых авторов об ошибочности выбранного направления [3].

⁵ Утверждение ряда авторов о том, что следователь работает на сторону обвинения, не выдерживает критики. С таким же успехом можно констатировать работу следователя в интересах стороны защиты в случаях отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения или приостановления расследования.

Сегодня следует констатировать, что в условиях нынешней парадигмы уголовного процесса альтернативы Следственному комитету нет. Радикальные предложения о ликвидации предварительного расследования как формы досудебного производства по уголовным делам не основаны на современных российских реалиях.

Любые предложения о реорганизации, ликвидации каких-либо правоохранительных органов, изменении архитектуры их системы должны быть взвешенными и базироваться на глубочайшем мониторинге, расчёте соотношения ожидаемых позитивных и неизбежных негативных последствий. Механическая передача функций от одного органа другому не всегда даёт безусловный качественный положительный результат⁶.

Не столь же эффективными являются перенесённые на российскую почву иностранные правовые, в том числе и процессуальные, институты. В разы отличается, например, соотношение уголовных дел, рассматриваемых судами в особом (Глава 40 УПК РФ) и общем порядке в России и в США. Переход к так называемому административному (полицейскому) расследованию как форме досудебного производства (и соответственно ликвидации предварительного следствия), о чём ратуют критики Следственного комитета, предполагает кроме прочего готовность прокурорской и судебной систем работать в новых условиях. И под этой готовностью подразумевается широчайший спектр факторов, начиная с профессиональной подготовленности и менталитета, вплоть до организации собственно уголовного процесса.

Сегодня более-менее сложные дела в судах рассматриваются годами (особенно многоэпизодные и многофигурантные). И это не вина, а беда судебной системы и следствие закреплённой законодательством процессуальной формы. И это при том, что в настоящее время в суд уголовные дела поступают после полновесного предварительного расследования и «фильтра» надзорного органа в лице прокуратуры.

⁶ Примером может служить расформирование налоговой полиции и УБОП.

В тоже время нельзя не отметить настоятельную необходимость деформализации предварительного расследования, как в плоскости организации расследования, так и с позиции теории доказательств. Абсолютизация процессуальной формы, порой противоречащая здравому смыслу, в ряде случаев не обеспечивает ни защиту прав граждан, ни достоверность получаемой информации.

Касаясь возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования, необходимо отметить, что этот институт является вполне логичной составляющей современного российского уголовно-процессуального законодательства с его формальной процедурой привлечения в качестве обвиняемого на досудебной стадии⁷. Нелепо он смотрелся бы в условиях административного (полицейского) расследования, поскольку предварительного следствия там нет как такового.

Поставленная руководством страны задача усиления борьбы с преступностью, особенно организованными её формами, коррупцией с неизбежностью требует законодательного закрепления установления объективной истины и как цели и как принципа уголовного процесса, что, в свою очередь, предполагает теоретическую разработку и практическую реализацию мер, направленных на оптимизацию решения поставленной задачи.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А.С., Беззубов С.И., Фролов С.А. Как в суде делать факты словами // Актуальные проблемы философии права: сборник статей участников научного семинара / Под ред. проф. В.К. Бабаева. – Н.Новгород, 2006.
2. Александров А.С. Духless русского уголовно-процессуального права // <http://www.iaaj.net/book/export/html/161>.
3. Александров А.С. Символ веры новой теории судебных доказательств / Актуальные проблемы философии государства и права / Отв. за вып. Б.Х. Балкаров. – Н. Новгород. – 2012.
4. Балакшин В. Истина в уголовном процессе // Российская юстиция. – 1998. – № 2.
5. Боруленков Ю.П. Теоретические основы процессуального познания. – Владимир, 2006.
6. Боруленков Ю.П. О допустимости доказательств // Уголовное право. – 2004. – № 1.
7. Боруленков Ю.П. Допустимость как свойство процессуальных доказательств

⁷ И никоим образом этот процессуальный институт не нарушает права участников уголовного процесса. Интересы – да, права – нет.

- (общетеоретический аспект) // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 3.
8. Боруленков Ю.П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. – Владимир, 2009.
 9. Боруленков Ю.П. Специфика вещественных доказательств // Уголовный процесс. – 2009. – № 7.
 10. Боруленков Ю.П. Юридическое познание как фундаментальная категория правопознания // Юридический мир. – 2009. – № 12.
 11. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула, 2000.
 12. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. – Воронеж, 1978.
 13. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. – М., 2000.
 14. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. – М., 1999.
 15. Зотов Д.В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения: Теоретические проблемы. – Воронеж, 2005.
 16. Коваленко А.Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. – М.: Норма, 2002.
 17. Комментарий к УПК РФ (вводный) / Под ред. В.Т. Томилина. – М., 2002.
 18. Лазарева В.А. Судебная власть и её реализация в уголовном процессе. – Самара, 1999.
 19. Липский Б.И. Практическая природа истины. – Л., 1988.
 20. Lupinskaya P.A. Доказательственное право в УПК РФ // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – М., 2002.
 21. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. – Тарту, 1991;
 22. Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. – Ярославль, 1974.
 23. Никитаев В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. – Вып. 1. – Ч. 2. – М., 1996.
 24. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие / Ю.К. Орлов. – М., 2001.
 25. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. – Самара, 2005.
 26. Пашин С.А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. – М., 1995.
 27. Пашин С.А. Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. – Вып. 1. – Часть 2. – М., 1996.
 28. Пашкевич П.Ф. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. – Л., 1971.
 29. Пермяков Ю. Лекции по философии права. – Самара, 1995.
 30. Пещак Ян. Следственные версии. – М., 1976.
 31. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967.
 32. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Пг., 1916.
 33. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2. Судопроизводство. – 1892.
 34. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. – СПб., 1913.
 35. Старченко А.А. Логика в судебном исследовании. – М., 1958;

36. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. – М. 1968. – Т. 1.
37. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. – М., 1973.
38. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. – Т. 2. – СПб., 1996.
39. Чудинов Э.М. Природа научной истины. – М., 1977.
40. Эйсман А.А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе // Советское государство и право. – 1966. – № 6.
41. Эйсман А.А. Некоторые вопросы оценки как количественной характеристики достоверности доказательств // Вопросы кибернетики и право. – М., 1967.

Yury Petrovich Borulenkov

Aspiration to truth – the supreme law of justice

The cornerstone of this article is the issue on truth in legal proceedings and practical implementation problems in judicial practice. The importance of this issue is emphasized for the ideology in criminal proceedings and its influence in the practice of law enforcement bodies. It is pointed out that it is connected with the problem of implementation of adversarial principles in criminal legal proceedings. The question of the conceptual directions of reforming of preliminary investigation is considered.

Keywords: legal knowledge, truth, ideology, competition, form, content, Investigatory committee, preliminary investigation.